

Виктор ОТКИДЫЧЕВ

ЭТО КАК ПОСМОТРЕТЬ...

Бывальщины

Сморгонский студент

Говорят, что в белорусском городе Сморгони была когда-то единственная на всю Российской империю школа по обучению медведей цирковому искусству — «Сморгонская медвежья академия». Отсюда, мол, и взялось выражение «сморгонский студент». Так впоследствии именовали с трудом обучаемых школяров, что никоим образом не умаляло достоинств медведей.

Случай, о котором пойдет речь, произошел с ученым медведем тоже на белорусской земле, вскоре после войны. Страна только начала зализывать страшные раны, народ устал от боли и горя, и поэтому артистов любых мастей в городах и весях принимали на ура. Они помогали забыть ужасы войны.

Передвижной цирк держал путь из одного городишка в другой. Гвоздем программы этого цирка был номер, в котором медведь изображал свинопаса и при помощи огромной бутафорской дубины загонял хрюшек якобы в хлев.

То ли запах медоносных луговых трав, то ли еще что настроило косолапого на лирический лад, и на одном из привалов медведь дал тягу. И не успел он далеко убежать, как — надо же, повезло! — по дороге ему попала пасека деда Стася. Мишка в считанные минуты развернул несколько ульев, но меда в них не оказалось: пасечник только что выкачал его и подвесил в кадке на дерево. Косолапый унюхал дедову схоронку и вознамерился на это дерево забраться. Увидев злоумышленника, дед Стась не растерялся, схватил ружье, заряженное крупной солью для отпугивания желающих полакомиться медком деревенских пацанов, и пальнул из двух стволов по непрошеному гостю.

Медведь взревел, скорее от испуга, чем от боли, и бросился наутек. Удирать пришлось через владения местного священника. На беду,

именно в это время попадьа пыталась загнать свинью с поросятами в хлев. В косолапом сразу же проснулся артист: схватив огромную оглоблю, сморгонский студент бросился исполнять свой коронный номер — загонять свиней.

Взору местных жителей предстала такая картина: по васильковому полю со стороны церкви в деревню на раздутых юбках-парусах с истошным визгом неслась попадьа, за нею, с таким же визгом, — вся ее свинская рать, а за ними, с огромной оглоблей в лапах, — медведь!

Подоспевшие артисты цирка уgomонили своего «коллегу» и продолжили путь, пригласив жителей деревни, которые помогали им укрощать разошедшегося топтыгина, на представление в ближайший городок.

На следующий день во время циркового представления зрители с недоумением смотрели на группу людей, явно односельчан, которые при исполнении медведем номера «Косолапый свинопас» хохотали до истерики и выкрикивали: «Попадья! Попадья не хватает!»

Пророчество бабушки Каси

Эта история произошла в августе 1975 года в белорусской деревне Счасновичи. Заканчивался наш с женой медовый месяц, и по пути из Кавминвод в Ленинград, где я учился в военной академии, мы завернули на родину моей молодой супруги. По такому случаю ее родители закатили повторный свадебный пир — с пожеланиями лучшей жизни и криками «Горько!».

Дом был полон гостей. Основную массу приглашенных я видел впервые и, выйдя во двор перекурить, присоединился к группе молодых парней, где тон задавал Миша, старший брат моей жены, — с ним я познакомился утром, в Барановичах. Миша служил прапорщиком в военном оркестре. Он, по рассказам жены, с детства был юморист, а уж на «свадебном» пиру буквально из штанов выпрыгивал, чтобы быть центром внимания. Шутки сыпались из него, как из рога изобилия.

И тут в поле зрения Миши попала его родная бабушка, которая только что вернулась из церкви после обедни. Бабушке Касе лет было уже за сотню, но свой возраст она довольно наивно скрывала. Внучек Миша сразу взял быка за рога:

— Баба Кася, а сколько же тебе лет?

— Да, Мишенька, внучек, еще, поди, и восьмидесяти нету.

— Как нету восьмидесяти? Да деду Илье, когда он помер, было за восемьдесят, а он-то был на десяток лет моложе тебя, да и помер уже давненько!

— Да не знаю я, Мишенька, внучек, эти года, метрики-то остались в Польше еще до войны, когда нас назад в Россию забрали.

— А что еще осталось в Польше? — наседал Миша.

— Да все, Мишенька: и хозяйство, и деньги...

— А деньги, бабуль, поди, в кубышке закопала?

— Да нет, внучек, в польском банке остались.

— И много там осталось? — допытывался дотошный внук.

— Да не помню уже, это ж еще приданое мое, где-то сто или двести золотых царских червонцев!

Внучку Мишеньке как будто горячий утюг пониже спины приложили, он буквально взвился.

— Баб Кась, так это ж, — он даже поперхнулся от возбуждения, — это ж какая куча золотища! Это где же ты столько взяла его?

— Так мы ж до революции очень богато жили, наш дом был самый большой в округе. У нас на постое стоял царь, когда на маневрах был.

— Это какой царь, Николай Второй? — Миша, как всякий военный, даже если он и музыкант, любил штабную точность.

— Да нет, Александр, я ж ему в девушках еще прислуживала!

— Постой, постой, баба Кася, «царю Александру», «на маневрах», «в девушках»... Это ж сколько тебе лет тогда получается? — не унимался внучек, возвращаясь к началу разговора.

— Так я ж тебе и говорю, все в метриках было написано, а метрики в костеле остались!

Мише как масла на раскаленную сковородку плеснули:

— Баба Кася, я что-то не пойму, какому богу ты молишься? Когда вы были под Польшей — ты в костел ходила. А сейчас в церкви молишься?

— Мишенька, внучек, так Бог ведь один, что в костеле, что в церкви!

И тут Миша, выпятив грудь, важно заявил:

— Нет, бабуля, у нас другой бог! У нас бог — Ленин!

Надо напомнить, что происходило это в далеком семьдесят пятом году, и Миша не кривил душой — имя Ленина было святым и никто, даже великая прорицательница Ванга, не предрекал, что лик вождя пролетариата когда-либо померкнет.

— Нет, Мишенька, внучек, Ленин у вас не бог еще. Вы его еще сбросите на землю, топтать будете и плевать, а потом поднимете, очистите, и вот тогда он станет богом!..

Первая часть пророчества бабушки Каси, урожденной панны Василевской, сбылась, осталось дожидаться, когда же сбудется вторая часть пророчества...

«Взятие Кенигсберга»

— Николаич, давай бери посуду, обмыть такое дело не грех. — Руслан со знанием дела плеснул по стаканам.

— Что, престольный праздник? — спросил Николай Николаевич, пожилой коллега Руслана.

— Ну, престольный не престольный, а объект-то сдали!

— Видишь ли, я сейчас только по престольным, только по соточке и только коньячок!

— А я что наливаю? «Кенигсберг», пять звездочек, недурной напиток!

— Ну, я напиток с таким названием лет пятьдесят, если не больше, назад пробовал!

— Да ну, тогда такого коньяка и в помине не было!

— Да это, мой дорогой, как посмотреть, как посмотреть!

— Микола, ты что там вошкаешься? Башка раскаливается после вчерашнего, день проходит зря, а сколько их, таких дней, осталось? Не успеешь оглянуться — в армию загребут, там не опохмелишься! — раз-разился тирадой словоохотливый Василь, умеющий найти выход из любой ситуации.

— У нас конкретное предложение, — вклинился Петро, второй из неразлучной тройцы драчунов и дебоширов — компании, без которой ни одна каша в деревне не сварится. — По «рыжему» — и к бабе Березе!

«Рыжими» в то время называли рублевые купюры за их цвет.

— Где ты только этих «рыжих» возьмешь? Праздник вывернул карманы у всех, — резонно заметил Николай.

— Да дома каждому хорошенько пошукать, глядишь — и найдется что-нибудь! Давай, Микола, с тебя начнем, твоя хата рядом, — предложил Василь.

— Да кто ж против?

Осмотр хаты должного результата не принес: «рыжие» нигде не валялись и ими, как показалось Николаю, даже и не пахло в родной избе. Парень потянул с полочки шкатулку с отцовскими наградами — отец войну закончил в звании старшины и в должности командира взвода разведки в Кенигсберге, — вытряхнул содержимое старого кисета. По столу покатились, отсоединившись от орденской планки, медаль серебристого цвета. Николай взял медаль. «За взятие Кенигсберга».

— Ты смотри! Если ей спилить ушко, то вылитый рубль юбилейный получится!

Разухабистая компания эту идею приняла на ура, и уже через несколько минут медаль «За взятие Кенигсберга» от юбилейного рубля мог отличить только человек с очень хорошим зрением и знанием истории. Баба же Береза (Береза — кличка, с детских лет накрепко прилипшая к бабке, чье настоящее имя никто уже толком и не помнил, но чье мастерство в области самогоноварения ценила вся деревня) такими качествами не обладала, да к тому же в свои восемьдесят с копейками видела неважно, пусть и в очках. Поэтому друзья в успехе операции, которую они окрестили «Взятие Кенигсберга», были уверены абсолютно.

Войдя во двор бабы Березы, Петро крикнул:

— Есть кто живой?

Дверь сарая скрипнула, и из нее высунулась бабкина голова:

— Чево хотели-то?

— Да бутылочку самогоночки, бабуль, — ответил Николай.

— Рупь бутылочка стоит!

— Да какой разговор, — непринужденно изрек Николай и, вытащив из кармана обработанную медаль, протянул ее бабке.

— А ет што за рупь?

— Юбилейный, баба Береза!

Надо сказать, что юбилейные рубли появились в Союзе только год назад, в ознаменование двадцатилетия Победы. Было их несколько разновидностей, и потому подслеповатая баба Береза подвоха не заметила. Заполучив бутылочку самогона, друзья в тот же миг упорхнули.

Под восторженные реплики об удачно проведенной операции «Взятие Кенигсберга» бутылка была мгновенно осушена. Это только раззадорило молодых повес. Решено было продолжить начатое дело.

Василь с Петром, обшарив домашние укромные уголки, внесли в общую копилку еще пару-тройку рублей, и веселая компания ввалилась в магазинчик. Хватило на две бутылки дешевого вина и несколько карамелек. Пристроившись за столиком в дальнем углу магазинчика, троица возобновила шумное празднование успешного завершения операции.

В это время дверь со скрипом отворилась и в магазин вошла баба Береза.

— С праздниками прошедшими, бабуля! — добродушно поздоровалась продавщица. — Вы что-то купить хотели?

— Да вот, Настенька, сахарку дай мне на рупь.

Бабка протянула продавщице заработанную несколькими часами ранее монету.

— Баба Береза, а что это за денежка?

— Да это ж рупь юбилейнай!

— Какой «рупь», баба Береза! Это медаль, «За взятие Кенигсберга» называется. Откуда она у тебя?

— Да ребята расплатились, — бабка повернула голову, — да вот эти же ребята и расплатились ею со мной!

Парни, которых уже солидно развезло, запоздало сообразили, что дело швах, и рванули на выход, но баба Береза оказалась у двери быстрее хмельной компании. Схватив стоявшую у печки кочергу, бабка с лихостью заправского рубаки так отходила ею по чему ни попадя троицу, дружно застрявшую в дверях, что на улице парни вывалились как после настоящего штурма крепости!..

На зализывание ран ушла оставшаяся часть так удачно начавшегося дня, и, еле волоча ноги, любители острых ощущений разбрелись по домам.

Для Николая это, однако, было еще не концом праздника. Баба Береза уже успела посетить его родителей и донести до их ушей «вести с фронта», попутно обменяв медаль на полноценный рубль, так что непутевого отпрыска ожидала увесистая оплеуха с сопроводительным резюме: «Это тебе за взятие Кенигсберга!»

— Вот такой «Кенигсберг», Руслан, я пробовал! Отменный коньячок! На всю жизнь запомнил, — закончил свою историю о волшебном напитке старый мастер.

«Буратино»

Замполит отдельного батальона перевел дух у двери начальника политотдела: «Зачем это я ему понадобился? Вроде бы проколов в батальоне не было последнее время?» Постучал в дверь.

— Войдите!

— Товарищ полковник, старший лейтенант...

— Вольно, вольно, присаживайся, Анатолий Иванович. Не буду тебя пытаться насчет состояния дел, поскольку ты мне понадобился совершенно по другому вопросу. Ты в курсе, что в дивизию на следующей неделе комиссия из Москвы прилетает? Вот, вот, наша задача не только хорошо сдать проверку, но и проявить наше традиционное сибирское гостеприимство. Короче — берешь мой узик, едешь в город на ВИНАП. Водитель — опытный прапорщик, знает, куда ехать. Ты молодой, энергичный, с людьми контакт находишь быстро. На ВИНАПе начали производство пепси-колы, в Союзе только у нас и в Новороссийске делают эту диковинную гадость, в Москве ее не достать, поэтому, я думаю, презент наш очень будет кстати.

— Понял, товарищ полковник!

— Ну тогда вперед!

ВИНАП, так сокращенно назывался новосибирский завод по производству вин, напитков и пива, выпускал большой ассортимент продукции, в том числе и лимонад под названием «Буратино». По иронии судьбы спирт-ректификат, которым снабдил начальник политотдела молодого замполита для налаживания отношений с работниками заводского отдела сбыта, был налит в бутылки из-под «Буратино».

Контакт с нужным отделом был установлен сразу же: девчонки буквально млели от обаятельного и остроумного старшего лейтенанта, но дальше этого дело не продвигалось.

— Да поймите, товарищ старший лейтенант, мы сами пепси по праздникам только и видим! Всё уже на складе, да даже и не на складе, а еще в цехе расписано: что, куда и сколько! Вы попробуйте с начальником цеха поговорить.

С начальником цеха контакт был найден после двух приемов внутрь божественного напитка из бутылочки с этикеткой «Буратино».

— Мужики, я вам честно скажу, я тут не при делах. Моя задача — организация работ, а всем заправляет американец, он и главный технолог, и директор этого производства, только он может пару-тройку ящиков использовать по своему усмотрению. Да, кстати, вот и он идет! Зовут его Джон, он довольно сносно болтает по-русски.

— Давай зови его сюда!

Джон, повернувшись на оклик начальника цеха, с добродушной улыбкой направился в его сторону, однако, увидев рядом с ним двух военных, как-то притормозил. То ли рассказы о Союзе с его «ужасными чекистами» всплыли в памяти американца, то ли у себя на родине он

привык остерегаться военных — во всяком случае, остальную часть пути он проделал по инерции, неуверенной походкой.

Узнав истинную причину обращения к нему, Джон буквально вздохнул с облегчением и проблему решил в считанные секунды, начертав на бумажке резолюцию: «Отпустить со склада столько-то ящиков пепси-колы по оптовой цене».

Начальник цеха отправился оформлять документы, а довольные достигнутым результатом военные любезнейшим образом пригласили Джона в машину — отметить удачно завершённое дело.

Джон, увидев в руках прапорщика бутылку с наклейкой «Буратино», буквально просиял:

— О, «Буратино»!

— Буратино, буратино! Давай, Джон, за дружбу между народами!

Поперхнувшись при первом же глотке, Джон хрипло изрек:

— Это — не «Буратино»!

— Буратино, ещё какой буратино, да ты давай закусывай, а то сам одереveneешь!

Под занавес дружеского застолья изрядно осоловевший американец, рассказав все о своей жене, теще, детях и собаке, сообщил удивленным военным, что пепси-колу он на дух не переносит и пьёт её только из чувства патриотизма, а его любимым напитком является «Буратино», и вся его семья тоже в восторге от этого напитка, и что когда он едет в отпуск в Штаты, то в подарок везет полный чемодан «Буратино»!..

Начальник политотдела, увидев результат вояжа на винзавод, расплылся в улыбке:

— Ну молодец, Анатолий Иванович, оправдал мои надежды! Есть чем удивить гостей! Да ты возьми себе-то несколько бутылок!

— Спасибо, товарищ полковник! Но только с сегодняшнего дня моим любимым напитком стал «Буратино»!

Полковник удивленно поднял брови: «Как это?»

Слегка ерничая, старший лейтенант пояснил:

— А чем я хуже американца?

— Ну, ну! — только и смог вымолвить начальник политотдела.

Считать надо

Генерал был старым служакой. Он прошел весь путь от солдатской шинели до генеральских лампасов сам, без протекций, устав считал основой всей своей жизни и нигде, ни в чем и никогда не давал поблажек себе и своим подчиненным. За долгие годы службы за ним прочно закрепилась репутация солдафона. Генерал крайне отрицательно относился к офицерам, которые по каким-либо причинам пользовались помощью солдат даже в таких случаях, как переезд на новую квартиру или к другому месту службы.

— Сами, сами, товарищи офицеры, собрались, дружно погрузили и отправили! И никаких солдат!

И вот надо же было такому случиться, что Марья Николаевна, жене генерала, надоело на каждый звонок телефона бегать в домашний кабинет мужа, где, кроме нужного ей городского телефона, стояло еще три — другого назначения, ей неизвестного да и неинтересного.

— Василий Петрович, ну проведи параллельный телефон в мою спальню, чтобы я могла спокойно говорить по своим делам и не мешать тебе и твоей службе! — неоднократно просила она.

Генерал соглашался, что надо, но, во-первых, уже возраст был не тот, чтобы ползать на карачках с проводами, а во-вторых — он ничегошеньки не соображал в этом деле. То есть для выполнения просьбы супруги надо было хочешь не хочешь привлечь солдата-связиста. Генерал как мог тянул с решением этого вопроса, но перечить домашнему старшине оказался не в силах и в конце концов скрепя сердце дал команду прислать домой специалиста.

Солдатик прибыл незамедлительно. Генерал чувствовал себя не в своей тарелке и пытался как можно скорее покончить с неприятным для него делом:

— Давай, рядовой, быстро сделал — и в казарму!

Из спальни вышла Марья Николаевна. При взгляде на солдатика ее сердце дрогнуло. Он поразительно напомнил ей младшего сына Алексея, когда тот, еще курсантом, приезжал в отчий дом на каникулы, а сейчас и старший, и младший к родителям заглядывали редко: свои семьи, свои заботы, своя служба. А когда она узнала, что солдата зовут Лешей, то совсем растаяла. Видимо, и солдатика Марья Николаевна напомнила о родном доме. Он буквально из кожи лез, чтобы выполнить все ее пожелания. А их было немало:

— Вот здесь проводочки спрятать, вот здесь розеточку установить, выключатель для ночного режима вот сюда, телефончик сюда...

Пока связист работал, генерал нервно ходил по коридору, постоянно заглядывая в спальню жены, и всем своим видом демонстрировал желание побыстрее разделаться с этим безобразием.

Наконец солдатик произнес:

— Всё, работает как часы... — и только приготовился завершить фразу стандартным «Разрешите идти, товарищ генерал?», как вмешалась Марья Николаевна:

— Не всё, Лешенька, мыть руки и на кухню, пить чай!

Генерал чуть не задохнулся от возмущения, но перечить мягкой силе не мог — по-видимому, в домашней иерархии стоял значительно ниже супруги.

Марья Николаевна разлила чай по чашкам. На столе уже красовалась вазочка с печеньем, розеточка с вареньем, конфеты...

Солдатик блаженно тянул чай и то ли в самом деле не замечал желания генерала как можно быстрее выпроводить его из дома, то ли делал вид, что ничего не понимает.

Для генерала подобная ситуация была равносильна панибратству, которого он никогда в отношении начальства, а тем более подчиненных не допускал. Генерал продолжал нервно мерить шагами коридор и, проходя мимо кухни, бросал на «вопиющую» сцену гневные взоры, но это не помогало.

Марья Николаевна постоянно подливала Леше чаек, подробно расспрашивая его о доме, о службе, о планах на будущее...

Наконец Леша, вытерев пот со лба, произнес:

— Спасибо, Мария Николаевна, но мне уже пора!

У генерала будто камень с плеч свалился. «Наконец-то!» И все же он решил напоследок выказать, больше перед женой, свое радушие и гостеприимство:

— Пей, пей! Варенье бери!

— Да спасибо, товарищ генерал! Я уже три чашки выпил!

— Врешь, пять!!!

Солдатика как ветром сдуло!

Считать выпитое никогда не вредно...

«Катюша»

Дверь в комнату общежития со стуком распахнулась.

— Ни хрена себе! Что я вижу? Три холостяка в субботний вечер лежат и смотрят в потолок! Это что за безобразие?

— Володя, это не безобразие, — приподнявшись на кровати, философски изрек Серега, — это разбалансировка между запросами и зарплатой, в результате которой у всех троих, что очень интересно, в бюджете возникла большая прореха, не позволяющая...

— Стоп, стоп, — прервал монолог приятеля Володя, — я хочу поднять вам настроение! Я сегодня проводил семью к теще на лето, и заначка, которую я копил полгода, позволяет мне это сделать! Возражения есть?

Возражений не нашлось, и через несколько минут компания с шумом вывалилась из общаги.

— Так куда? На Невский?

— Ну, Вовик, ты дилетант! — с видом умудренного опытом знатока вечернего Питера заявил Виктор. — В субботу вечером только по великому везению можно попасть в какой-нибудь ресторан на Невском — ведь не думаешь же ты, что весь Питер сегодня сидит на мели?

— Ну и что прикажете делать, милостивый государь?

— А ничего, начинать надо от печки! Первый попавшийся на пути ресторан, затем второй и так далее, в конце концов где-нибудь да сядем. Проверенная тактика!

Первым попавшимся был, естественно, ресторан «Выборгский», в ста метрах от общаги. По словам старожилов, ресторан этот вместе с одноименной гостиницей построили финны и передали в дар городу с одним условием: в субботу и воскресенье в гостинице и ресторане приоритет отдавать туристам из Финляндии. В ту пору на выходные в Ленинград

сплошным потоком шли туристические автобусы из соседней страны. То ли там был сухой закон, то ли еще что, но финны в субботу и воскресенье надирались по самое не могу, чтобы хватило до следующего вояжа в Питер.

— Нет мест, нет мест, — грудью закрыл вход дюжий швейцар, — все финнами занято!

— Михеич, ты что, родной, добра не помнишь, своих забижаешь? — пошел в наступление Виктор.

— Да я точно говорю, всё забито под завязку!

— Как «всё», — не унимался Виктор, — да я отсюда вижу: вон два каких-то военных за целым столом сидят! Это что за барство в нашем соцгосударстве?

Михеич важно надул щеки:

— Ну ты не сравнивай себя с ними. Вас я как облупленных знаю: напьетесь как поросята и то концерт какой-нибудь устроите, то драку. А это культурная нация, немцы!

— Да ладно тебе, пойди поговори с камрадами, они еще рады будут с коллегами по оружию посидеть!

В советское время в наших военных академиях обучались офицеры стран Варшавского договора. Эти ребята оказались из ГДР, учились в Академии связи имени Буденного, расположенной в Гражданском районе, который в народе тоже называли ГДР.

— Проходите, только без фокусов, — продолжал важничать Михеич, но он уже был «за кадром».

— Привет, братья по оружию! Эй, гарсон, — ерничал Виктор, — еще парочку стульев!

Окинул взором сервировку стола: возле каждого немца стояло по мизерному графинчику, такой же крохотной рюмочке и по тарелке с жиденькой закуской.

— Да, и накрой побыстрее: парочку-тройку графинов водочки, нарезочку мясную и рыбную. Поесть что-нибудь из готового найдется? Эскалоп? Тащи эскалопы, четыре, нет, лучше шесть: камрады, я вижу, тоже голодные. Да быстренько, что-то аппетит у меня разыгрался!.. Да! Рюмки только нормальные принеси, камрадам тоже! Не спорить со мной, товарищи гауптманы! Никакие отговорки не помогут! Как, кстати, вас зовут? По-русски-то говорим? Ах, уже год здесь учитесь? Фридрих, а вас — Генрих? Просто чудненько, для простоты восприятия — Федя и Гена! Ну, прозит, ребята, за братство по оружию! По полной, по полной!

...Где-то минут через сорок бравые, чисто выбритые и отглаженные гауптманы мирно дремали, уткнувшись лицами в салаты.

— Так, Серега, Вовик, Валера, надо отгрузить камрадов к месту постоянной дислокации!

Подхватив под руки дюжих немцев, компания потащила их к выходу. Михеич отвернулся, сделав вид, что не замечает происходящего.

— Такси, такси! — замахал руками Виктор.

Авто с зеленым огоньком остановилось.

— Дружище, отвезешь этих ребят в ГДР, в общагу Буденновки!

Фридрих в это время сделал попытку заранее рассчитаться. Из его кармана вывалился пухлый бумажник. Таксист покосился на бумажник.

— Да, и не подумай взять копейку с них, — предостерег водителя Виктор. — Вот тебе талон.

Виктор вынул из кармана упаковку с отрывными талонами по пятьдесят копеек для проезда на такси. Эти талоны ему достались совершенно случайно: подарила девушка. Об их существовании он ранее и не догадывался. Рассчитываясь ими, Виктор обратил внимание на реакцию таксистов — те в буквальном смысле слова переходили на армейскую лексику: «так точно», «никак нет», «есть» и так далее. Скорее всего, талоны были привилегией высокопоставленных сотрудников таксомоторного управления. В этот раз история повторилась с точностью до запятой.

— Все понял, доставлю в лучшем виде, можете не сомневаться!

— Счастливо, Федя, счастливо, Гена! Вперед! А нам пора обратно, у нас еще весь вечер впереди!

Проходя мимо Михеича, Виктор не преминул уколоть его:

— Ну что, борода? Кто из нас поросята?

— А пошли вы... Все военные на один манер!

— То-то же, и не смей плохо говорить о советском офицере, разжалуем в дворники! Гарсон! Тащи еще пару лафитничков! А кто у нас тут соседи? Финны? Что, вы знаете меня? Откуда? Ах, две недели назад в «Метрополе» учил вас петь «Катюшу»? Ну тогда, — Виктор залез на стул и взмахнул руками, — запевай!

И из раскрытых окон ресторана во всю мощь легких нескольких десятков финских любителей песни грянула «Катюша».

